

А. Хитрово

Белинский как моралист

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Хитрово**
Белинский как моралист / А. Хитрово – М.: Книга по Требованию, 2021. –
422 с.

ISBN 978-5-518-09700-1

ISBN 978-5-518-09700-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мы рационалисты, мы сами создадимъ себѣ мораль, мы знаемъ ее хорошо и безъ учителей! —И визжитъ этотъ хоръ и шумитъ и видимъ мы, какъ развертываетъ онъ передъ нами сочиненія самого-же Бѣлинскаго и ими хочетъ доказать, что онъ не только не былъ поборникомъ морали, но смѣялся надъ ней, считалъ ее ненужною, скучною, надоевливою.

Встрѣтить крики и возраженія въ родѣ указанныхъ страшно тому, кто не приготовленъ и не ждетъ ихъ; мы-же сами начинаемъ съ нихъ, потому-что, повторяемъ, намѣрены говорить прямо и знаемъ, за что беремся. Объяснимся.

Бѣлинскій—критикъ и мы вмѣстѣ съ другими охотно признаемъ его великое въ этомъ отношеніи значеніе для русской литературы. Бѣлинскій создалъ у насъ критику, положилъ ей начало, точно также какъ создалъ у насъ и эстетику и первый началъ серьезную разработку русской литературы. Въ этомъ отношеніи его заслуга слишкомъ велика и незабвенна и имя его будетъ памятно образованному русскому міру также, какъ памятно имя Карамзина, Пушкина, Гоголя и, — можно ручаться,—превзойдетъ въ долговѣчности множество другихъ, которые тоже не безъ права на извѣстность.

Такъ, наиримѣръ, имя Батюшкова потеряло свою извѣстность не болѣе, какъ въ теченіи десяти лѣтъ и самъ Бѣлинскій не находилъ что сказать на это и чѣмъ объяснить такой фактъ, какъ только быстрымъ ходомъ и развитіемъ литературы того времени. Между-тѣмъ прошло около пятнадцати лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ сошелъ въ могилу Бѣлинскій; развитіе литературы въ этотъ періодъ шло еще быстрымъ чѣмъ при немъ, а имя его обрываютъ и до-сихъ-поръ то же благоговѣніе, встрѣчаетъ та же любовь, какими онъ пользовался и при жизни. Этого мало; вѣрнѣе сказать—теперь-то именно и начинается настоящая пора славы Бѣлинскаго. При жизни Бѣлинскаго и вскорѣ послѣ смерти было еще довольно забіякъ-писателей и цѣнителей, унижавшихъ талантъ его и готовыхъ бросить въ него грязью, теперь же на такое дѣло можетъ рѣшиться одно только тупоуміе и пошлость, о которыхъ уже по одному этому такъ всё и заключать, что онѣ именно ничто иное, какъ тупоуміе и пошлость. Пусть при жизни Бѣлинскаго многіе ждали съ нетерпѣніемъ выхода книжки «Отечественныхъ Записокъ», въ которой должна была появиться его статья; относительно этого факта можно бы еще замѣтить, что эти многіе состав-

ляли лишь партію, за которой была другая, были другіе многіе, съ злобой смотрѣвшіе на «выскачку», и въ каждомъ словѣ его видѣвшіе Богъ знаетъ что; но когда и теперь мы видимъ почти не вѣроятно быстрый расходъ изданія сочиненій Бѣлинскаго, когда въ тоже время изъ отчета библиотекъ узнаемъ, что въ нихъ эти сочиненія требуются преимущественно передъ другими, — тутъ ужъ нечего сказать. Фактъ говоритъ самъ за себя и за необыкновенный геній. Такъ мы признаемъ великое значеніе за Бѣлинскимъ, какъ за критикомъ, но чтожъ изъ этого? Разрушается-ли этимъ самымъ наша задача? Писколько; напротивъ, здѣсь-то она и находитъ свое основаніе и оправданіе. Значеніе и весь характеръ того или другаго лица или писателя никогда и никакъ не могутъ быть опредѣлены только одной какой-нибудь стороною его дѣятельности. Конечно дѣятельность каждаго изъ насъ бываетъ болѣе всего устремлена на что-нибудь одно, но это одно уже развѣ такъ и отъизображаетъ всего человѣка? Такъ ужъ за этой дѣятельностію и итъ другихъ сторонъ? И не стоитъ ихъ разсматривать? Напримѣръ, когда мы говоримъ, что Бѣлинскій былъ замѣчательнымъ критикомъ, державшимся началъ гегелевской эстетики, то этимъ

неужели опредѣляемъ уже все его міросозерцаніе? Вѣдь критика не все-же заключала въ себя обязанности Бѣлинскаго и не весь-же обнимала его взглядъ на вещи? Нѣтъ, кто хочетъ имѣть объ извѣстномъ дѣятелѣ полное и вѣрное понятіе, тотъ долженъ стараться разсмотрѣть его дѣятельность со всехъ сторонъ, и только изъ такихъ всестороннихъ обсужденій можетъ выродиться настоящая оцѣнка. И чѣмъ важнѣе писатель, чѣмъ могучѣе его вліяніе, чѣмъ славнѣе дѣятельность, тѣмъ, очевидно, такія всестороннія его оцѣнки нужнѣе. Въ этомъ отношеніи давно уже сдѣлали большой шагъ впередъ и нѣмцы и англичане. Дорожа своими лучшими дѣятелями и высоко цѣня ихъ, они въ тоже время стараются не оставить безъ вниманія и въ жизни и въ трудахъ этихъ дѣятелей ни одной черты не объясненной. Посмотрите, сколько написано комментаріевъ на одного Шекспира! А Фаустъ, Гете? А Шиллеръ? Остановимся хоть на послѣднемъ. Шиллеръ — лирикъ и лирическая поэзія—вотъ его настоящая сфера и кто-жъ этого не знаетъ? Что Шиллеръ — лирикъ первостепенный — это тоже вопросъ рѣшенный. И вся Германія, весь образованный міръ, признавалъ и признаетъ Шиллера—лирикомъ

и какъ лирика изучилъ его, если еще нельзя сказать, вполне, то уже довольно. И однакожь это нисколько не помѣшало одному изъ лучшихъ философовъ настоящаго времени Куно-Фишеру въ двухъ публичныхъ рѣчахъ разсматривать того-же Шиллера то какъ философа, то какъ даже комика. И какъ философъ и какъ комикъ Шиллеръ былъ вовсе не замѣчательнъ, однакожь ученый Куно-Фишеръ нашель-же нужнымъ обратить вниманіе и на эти стороны сочиненій поэта и кто прочтетъ то и другое его изслѣдованіе, тотъ, надѣмся, не признаетъ такое дѣло одной прихотью и бесплодной работой. Что-же касается Бѣлинскаго, то здѣсь изслѣдованіе о немъ какъ моралистѣ можетъ имѣть значеніе для насъ тѣмъ большее и важнѣйшее по слѣдующимъ причинамъ. Какъ критикъ Бѣлинскій сталъ уже книгой старой. Его взглядъ на искусство уже потерялъ свою прелесть, его начала стали болѣе не приложимы. Настоящая критика не только иностранная, но и наша русская стоитъ на другихъ началахъ и руководится инымъ взглядомъ. Отсюда-то и рождался въ нашей журналистикѣ не одинъ разъ вопросъ о томъ: чѣмъ — бы былъ Бѣлинскій, если-бы дожилъ до настоящаго вре-

мени? И вопросъ этотъ, на томъ основаніи, что въ Бѣлинскомъ видно постоянное развитіе, рѣшался тѣмъ, что въ наше время и Бѣлинскій сталъ бы на новую точку и отрекся бы, можетъ быть, отъ многихъ изъ своихъ прежнихъ критикъ. Такимъ — образомъ какъ критикъ Бѣлинскій теперь не можетъ быть воспитателемъ настоящаго поколѣнія. Гегелевской эстетики уже пропѣта прощальная пѣснь. Здѣсь Бѣлинскій дорогъ для насъ какъ необходимый моментъ развитія нашего, — но онъ уже моментъ минувшій. Такимъ-образомъ сочиненія Бѣлинскаго теперь читаются не изъ желанія подражать его взгляду на искусство, а какъ сочиненія, полныя многихъ очень дѣльныхъ мыслей; ихъ читаютъ и только изъ желанія учиться не столько взгляду на литературу, сколько взгляду вообще на вещи, читаютъ вообще какъ умную книгу. А при такомъ положеніи пораземотришь его именно съ той точки, съ какой мы хотѣмъ, очень и очень не лишнее дѣло. При огромномъ спросѣ на сочиненія Бѣлинскаго, при необыкновенномъ почтеніи къ его имени и славѣ, очень интересно опредѣлить: что именно можетъ вынести этотъ читающійся людъ изъ этихъ сочиненій для руководства въ жизни и какъ и чѣмъ можетъ от-

развиться общественная дѣятельность людей, вышедшихъ изъ такой школы? Послѣдній вопросъ очень важенъ особенно въ настоящее время и —прибавимъ—важенъ для славы самага Бѣлинскаго. Мы живемъ въ очень мудреное и загадочное время переживаемъ эпоху темную, въ которой все запуталось, смѣшалось. Передъ нами много проявленій добрыхъ, довольно стѣснительныхъ свѣтлыхъ, много задатковъ великаго и славнаго, но въ тоже время много и грустнаго, печальнаго, если не сказать—злаго и развратнаго. Откуда нибудь взялось-же и то и другое? Что-жъ будетъ хорошаго, если это злое какимъ-нибудь образомъ отнесется и къ тому дѣятелю прошлаго, который на самомъ дѣлѣ никогда и не думалъ забрасывать на почву нашей жизни подобнаго сѣмени, который, напротивъ, можно быть убѣждену въ томъ, если бы былъ живъ, можетъ быть первый-бы отшатнулся отъ того, что совершается теперь, и сталъ-бы не за него, а противъ него, со всею силой своего слова? Чтожъ хорошаго будетъ и въ томъ, если на томъ тѣлько основаніи, что Бѣлинскій былъ либераломъ и считался *краснымъ* въ свое время, ему навязуютъ и къ нему отнесутъ нѣкоторыя такъ-называемыя тенденціи настоящаго времени? А кто поручится,

что этого не можетъ быть? Между-тѣмъ, — согласитесь съ тѣмъ, — у нашего времени найдется не мало такихъ тенденцій, которыя могутъ быть вмѣсто позорнаго клейма для того, кто имѣлъ въ виду дѣйствительно только общественную пользу. Говоря проще, — самое наше уваженіе къ Бѣлинскому теперь, когда онъ имѣетъ такое нравственное вліяніе на настоящее поколѣніе, заставляетъ насъ, въ происходящей путаницѣ, точно опредѣлять, что тутъ принадлежитъ ему и что — не его духа.

Бѣлинскій, говорить, либераль, и потому что же тутъ искать морали, когда то и другое несовмѣстно. — Давнишнее, старинное мнѣніе, которому, не шутя, пора — бы стать поосмысленнѣй! У насъ въ большомъ ходу слово «либераль», — и мы готовы кричать во имя его на весь міръ, но въ то же время, надо сознаться, мы ужасно еще плохо и страшно превратно понимаемъ это слово. У насъ либераль понимается, какъ врагъ существующаго порядка, какъ противникъ и власти и вѣры, и во имя этого у насъ награждаютъ этимъ названіемъ всякую дерзость, всякую незаконную выходку. Откуда понятно, почему въ послѣднее время у насъ и развелось такъ много либераловъ, — вѣдь это такъ легко! Понят-

но и то, почему такъ худо большинство смотритъ на либераловъ. Но, повторяемъ, всѣ эти понятія — ужасно какъ дикн и до недовѣрности нелѣпы. На самомъ дѣлѣ, по здравому смыслу, слово «либераль» имѣетъ совершенно не такое разбойническое значеніе. У просвѣщенныхъ людей оно означаетъ чело-вѣка, который, идя впередъ, стоитъ всей своей душой за лучшіе результаты чело-вѣческаго развитія, за законную независимость каждаго гражданина и за свободу каждаго дѣй-ствія, но такого, которое шло-бы не противъ блага общественнаго, а — за благо. Въ иномъ смыслѣ либерала и понимать нельзя. Истин-ная свобода должна необходимо отличатся ра-зумностію, иначе она будетъ съ родни безумію или разбойничеству. Будучи-же разумной, сво-бода, очевидно, и не можетъ стоять ни за что иное какъ только за правду и истину, за счастье и спокойствіе чело-вѣчества. И вотъ здѣсь-го истинная свобода протягиваетъ руку и мирится съ закономъ нравственнымъ и гра-жданскимъ, какъ скоро послѣдній основанъ на первомъ и служить развитіемъ его началъ. И вотъ гдѣ объясненіе англійской свободы, вотъ гдѣ и объясненіе того, почему у обра-зованныхъ народовъ имя либерала не только

не представляет собой ничего пугающего, а напротив, представляет лучшей дипломъ о достоинствахъ человѣка, самое почетное имя. Но за разумной свободой стоитъ свобода безразсудная; не понимая смысла свободы, хотять разумѣть подъ ней безнаказанное право дѣлать каждому что угодно, и понятно, что такую либераловъ общество имѣеть право бояться на столько-же, на сколько оно боится огня, мошенниковъ, разбойника съ ножемъ на большой дорогѣ. Но дѣло въ томъ, что здѣсь уже собственно и не должно быть слова о свободѣ, оно долж о быть замѣнено словами «произволь» и «разрузданность», съ которыми у морали и закона, конечно, не можетъ быть связи, а можетъ быть одна борьба и вражда. Итакъ, очевидно, утвердившееся за Бѣлинскимъ мнѣніе о немъ, какъ либералѣ, еще само по себѣ несколько не даетъ права къ заключенію, будто онъ никакъ не можетъ быть моралистомъ и некатъ морали въ его трудахъ нечего. Нужно еще напередъ опредѣлить, въ какомъ смыслѣ былъ Бѣлинскій либераломъ. Если его считаютъ либераломъ въ послѣднемъ смыслѣ, то конечно итъ и не найдемъ мы у него морали, но въ такомъ случаѣ будетъ непонятно и всеобщее уваженіе къ нему; началомъ зло-либеральными уваженіи